

Идет конкурс на то, какая фирма будет рыть канал.

Выступают американцы: «Мы выроем канал за два года, рыть будем с двух сторон. Точность стыковки — метр».

Затем говорят японцы: «Рыть будем с двух сторон, срок — год, точность стыковки — пятьдесят сантиметров».

А потом русские: «Выроем за три месяца. Рыть будем с двух сторон. А вот точность стыковки... На худой конец у вас будет два канала под Ла-Маншем».

«Он засмеялся.

— А больше ты мне ничего не хочешь сказать?»

— Нет.

— Нет?

— Нет.

— Ну что ж, мой телефон ты знаешь, и я каждый вечер в «Шанхае»...»

В этом месте я уже рыдала, слезы горохом катились по моим щекам, я всхлипнула и потянулась за платком, отложив любимую книгу в сторону. Как мы, женщины, иногда бываем слепы, не понимаем очевидного, проходим, можно сказать, мимо своего счастья. Потом, конечно, локти кусаем. Философские размышления пришлось прервать.

— Катька, ты чего? — услышала я над самым ухом и от неожиданности вздрогнула, начисто забыв, что в комнате я не одна. Две мои подружки стояли рядом и таранились на меня в полнейшей растерянности. Я посмотрела сначала на одну, потом на другую и обреченно ответила:

— Она его не любит.

— Кого? — нахмурилась Наташка.

— Тимура, — всхлипнула я.

Ответ поверг Наташку в глубочайшее раздумье, по-
няв, что одна не справляется, она повернулась к Ленке.

— Ты его знаешь?

— Кого? — в свою очередь спросила та.

— Тимура, естественно.

— Не-а. А ты? — Наташка интенсивно замотала го-
ловой, и обе подружки вновь на меня уставились.

— А кто его не любит-то? — додумалась спросить
Ленка.

— Ольга.

— Воронина? — вновь заговорила Наташка. — Это
из соседнего подъезда, что ли? Мать-одиночка? Я бы на
ее месте не особо привередничала, коротышка с вес-
нушками, без профессии, зато с ребенком, уж не знаю,
чем ей не угодил этот Тимур.

— При чем здесь моя соседка? — возмутилась я.

— Так она же Ольга Воронина, мы ей от фирмы по-
дарок новорожденному приготовили. Между прочим,
твоя идея была, все уши мне тогда прожужжала: у ре-
бенка коляски нет... А теперь что?

— Что? — растерялась я.

Наташка хмуρο посмотрела на Ленку, та пожала пле-
чами, мол, она здесь ни при чем, и обе вновь на меня
уставились.

— Ты утверждаешь, что это не она, — разозлилась
Наташка. Разозлиться ей ничего не стоит, а в гневе она
страшна. Я уже заранее перепугалась и дипломатично
спросила:

— О чем мы сейчас говорим?

Вопрос поверг подруг в смятение.

— Чего ревешь, я тебя спрашиваю? — рявкнула На-
ташка так, что я подскочила на диване, инстинктивно
втянув голову в плечи.

— Иногда люди не способны понять друг друга, —
ответила я.

— Так ты скажи так, чтобы я поняла, — прорычала
Наташка.

— Я же объясняю: иногда люди не способны понять друг друга, принимают неверные решения, потом страдают, слезы льют...

— Какое неверное решение ты приняла? — беспокоилась Ленка. Она вообще очень любит беспокоиться.

— И почему не посоветовалась? — рассвирепела Наташка еще больше.

— Я плачу от сочувствия, — вздохнула я.

— Так у кого проблемы?

— У моей любимой героини.

— Убила бы тебя, — со стоном заявила Ленка,хватила книжку из моих рук и продолжила ораторствовать: — Совсем свихнулась на своих детективах, нет бы Толстого читала, Льва Николаевича. Тратишь деньги на всякую дрянь. — Ленка хотела в крайней досаде зашвырнуть книжку в угол, но тут я рассвирепела.

— Не тронь святое! — рявкнула так, что пришла Ленкина очередь подпрыгивать. — Толстого я в школе читала. Много мне прока от сцены охоты или первого бала Наташи Ростовой. Ты на балах часто бываешь?

— А от детективов твоих какой прок? — язвительно поинтересовалась Ленка.

Наташка наблюдала за нашей перепалкой, заметно успокоившись.

— Есть прок, — широко улыбнулась я. — На прошлой неделе, когда с озера возвращались и нарвались на тех придурков на мотоциклах, кто собирался в обморок падать?

— Конечно, толпа идиотов, а рядом только родная природа... — оправдываясь, нахмурилась Ленка.

— Точно. А чем все закончилось? Ребята отвезли нас на станцию, не пришлось пешком топтать три километра. Оказались вполне приличными людьми.

— Повезло, — кивнула Наташка, соглашаясь. — Ты тогда очень душевно с ними поговорила.

— Вот-вот. Поговорила. И вовсе не повезло. Между прочим, я не меньше вашего перепугалась, но вовремя вспомнила, как в моем любимом детективе героиня

оказалась в такой же ситуации и вместо того, чтобы в обморок падать, взяла себя в руки и... дальше вы знаете.

— Глупости все это, — надулась Ленка, выдав свое любимое изречение, которое она произносит, когда ответить нечего. — Чем рыдать над проблемами выдуманных персонажей, — ядовито продолжила она, — ты бы лучше подружке посочувствовала.

— Тебе?

Ленка закатила глаза, а Наташка нахмурилась.

— Все-таки это свинство с твоей стороны, — заметила она. — Я битый час о своих страданиях распинаюсь, а ты...

— Я просто хотела дочитать, мне всего-то тринадцать страничек осталось, самое интересное... А что там с твоими страданиями? — робко поинтересовалась я.

— Форменное свинство! — всплеснула Ленка руками.

— Влюбилась в кого? — спросила я с надеждой.

— До любви ли мне сейчас? — возмутилась Наташка. — Твою подружку на бабки разводят.

— Кто?

— Ты что, в самом деле ничего не слышала? — нахмурилась она. Ответ явственно читался на моем открытом лице, и Наташка сама себе с прискорбием ответила: — Не слышала.

— Расскажи еще раз. Тебе что, трудно?

— В твоих любимых детективах подруги за подружкой, — ехидно напомнила Ленка, — а ты Наташку даже не слушала.

— Тебе откуда про детективы знать, ты же только классику читаешь? — не удержалась я от ответного ехидства.

— Кто-нибудь мне посочувствует или вы продолжите литературный спор? — возмутилась Наташка.

Нам стало стыдно, и мы примолкли.

Наташка была у нас самой старшей, она уже успела закончить институт и пять лет работала в строительной фирме. Иногда я ей жутко завидовала. Прежде всего потому, что жила она одна и абсолютно самостоятельно.

Никто над душой не стоит, не будит по утрам вместо будильника... «Завтракать надо плотно, с едой в кровь поступает сахар, и мозг начинает работать», — это папа. «Ты посмотри, у тебя вся спина голая, что это за дурацкая мода носить джинсы на копчике, а куртку по грудь? Застудишь почки, ты же девушка, тебе рожать», — это, конечно, мама. «В наше время девочки вели себя скромно и никогда не звонили мальчикам», — бабушкины светлые мысли. Дедуля тоже в стороне не остался: «Зарядку надо по утрам делать. В здоровом теле здоровый дух. А в выходной на рыбалку, на свежий воздух». Дедуля ждал внука, да так и не дождался, так что на рыбалку с ним приходится ездить мне. Наташка счастливо избавлена от всего этого, потому что живет в отдельной двухкомнатной квартире, у родителей появляется не чаще раза в неделю и на такой непродолжительный срок, что о нравах они вспомнить не успевают. Закончу учебу, тоже буду жить одна... если родители отпустят. Наташка представлялась мне счастливым человеком не только потому, что жила отдельно, имела хорошую работу с весьма внушительным окладом (этого, при известном старании, и я добьюсь), главное, с ней постоянно что-то случалось. То влюбится в женатого и его жена скандалить придет (настоящий триллер), то клиент окажется жуликом, а Наташка его разоблачит (форменный детектив), то чемоданы в аэропорту перепутает (комедия положений).

В моей жизни не случалось ничего. Хоть бы какое-нибудь крохотное приключение было. Самолеты не опаздывают, вещи не теряются, парни все на редкость положительные. Я даже по вечерам по улице хожу без опасений, твердо зная: ничегошеньки со мной не случится. Приключения не для меня. Это у других, что ни день, то новое событие, а у меня сплошная проза. Жизнь проходит, и ничего-то в ней не происходит. То ли дело в моих любимых детективах. Хоть бы раз свалилось мне на голову такое счастье. Приключение, я имею в виду. Так ведь нет. Или хоть бы влюбиться безответно...

Но и тут непруха. Несчастный я человек...

Другое дело Наташка. Вот опять страдает, жизнь, так сказать, бьет ключом. Еще один повод ей позавидовать: Наташка у нас красавица. Настоящая роковая женщина. Волосы темные до плеч, глаза карие, ресницы длинные, нос с горбинкой, рот большой, губы полные. Ноги от плеч, и четвертый номер бюста. Мужики столбенеют. А у меня нос курносый, глаза голубенькие, губешки бантиком, прибавьте дурацкие ямочки на щеках да еще кудряшки. Разумеется, я блондинка. А кто ж еще? Только и слышу со всех сторон: «Ой, какая же ты хорошенькая!» Спасибо большое. Волосы я перекрасила и усердно их выпрямляю, но перемены не порадовали: выпрямляются они неохотно и на очень короткий срок, зато отрастают быстро, так что либо раз в неделю их надо красить, либо оставить всякую надежду. Что я и сделала, потому что краситься четыре раза в месяц денег нет. В общем, единственная моя радость — это детективы. Вот уж где жизнь...

Наташка — двоюродная сестра Ленки, а с Ленкой мы дружим с детства. И с Наташкой, разумеется, тоже, несмотря на разницу в возрасте. Ленку никто никогда ни красавицей, ни даже хорошенькой не называл, и она решила быть умной. Читает Достоевского, слушает классику и на этой почве стала очень нервной. Оно и понятно: кто ж такое издевательство долго выдержит? На днях смотрели фильм какого-то датского режиссера, на афише честно предупредили: «Кино не для всех»... Мне-то что, я до тысячи досчитала и счастливо уснула, а умные-то на умных фильмах не спят, вот Ленка и мучилась, зато ночью вздрагивала, так ее проняло. В общем, Ленка помешана у нас на классике, я на детективах, Наташка тоже не без придури, у нее свое увлечение: фэн-шуй. Подруга уверена, что он (она или оно, не знаю уж, как правильно) деньги приносит. У нее по углам горшки с рисом, китайские монетки с дырочкой и сто евро в рамочке, в зоне богатства. Наташка утверждает: очень сильный талисман. Да уж, сильный: у нее на прошлой

неделе машину угнали, а чуть раньше кошелек свистнули с месячной зарплатой. Но Наташка говорит, что чем больше денег уходит, тем больше их потом возвращается. Так что непонятно, чего она сегодня из-за денег так волнуется. Надо поставить у дверей горшок побольше и терпеливо ждать.

— Ты опять спишь? — грозно спросила она, сверля меня взглядом. — Я третий раз повторять не буду.

— Я не сплю, — ответила я с обидой. — Я думаю, как тебе помочь.

— Говорила я тебе, Дима твой —! — тут же влезла Ленка. — Доверять ему никак нельзя. Опять же, женат.

— Он развелся.

— Но на тебе не женился.

— Я б за него и сама не пошла. Вот уж счастье... И дело сейчас не в этом.

— А в чем? — додумалась спросить я.

— Да что это за наказание? От родных подруг и никакого сочувствия! Бабки он мне должен. А отдавать не хочет.

— Ты ему в долг давала? — удивилась я. — Что-то я такого не припомню.

— Откуда у меня бабки, чтоб ему в долг давать? У меня папа не Рокфеллер, а хирург в больнице.

— Это я помню, — удовлетворенно кивнула я, переход от любимого детектива к суровой реальности давался мне нелегко.

— Он мне бабки должен, понимаешь? Потому что мы так договаривались. Хрен бы он под застройку участок получил, участок-то золотой, считай, в самом центре. Я из кожи вон лезла, все свои связи подняла, пошла к придурку Гаврюшкину... Помнишь того лысого, с которым я новую жизнь начинала?

— В прошлый понедельник?

— Не путай меня! В прошлый понедельник я начала вести дневник. Буду вписывать все свои победы и поражения. Так в себе лучше разобраться. И потомкам ра-

дось. О чем это мы? — нахмурилась Наташка, потеряв нить разговора.

— О потомках, — с готовностью подсказала я.

Наташка рукой махнула:

— Не до них мне сейчас.

А Ленка охотно подсказала:

— О бабках. Твой Дима Рыбаков обещал тебе деньги...

— Вот. Потому что я этот участок потом и кровью...

— Гаврюшкин! — озарило меня.

— Ну, Гаврюшкин, — кивнула Наташка, приглядываясь ко мне. — А чего ты его вспомнила? Кстати, я ему за содействие бабки обещала, он все честь по чести сделал. И с какой рожей я теперь ему скажу: «Виктор Аркадьевич, денег нет и не будет, потому что этот козел нашел себе дуру-продащицу»?

— Так вот в чем дело, — невероятно обрадовалась я, начав кое-что понимать. — Твой Рыбаков завел любовницу, вы поссорились, и он...

— Любовницу! — фыркнула Наташка. — Ты бы видела это существо. Глазки красненькие, рыльце узенькое, носик длинненький... — Тут она машинально взглянула на нашу Ленку, которая мрачнела на глазах, вздохнула и торопливо продолжила: — Дело даже не во внешности, она еще и дура, каких свет не видывал. Впилась в него, точно клещ, соображает, скудоумная, что дураков, чтоб на нее позариться, днем с огнем не сыщешь...

— Он-то вот позарился, — не без яда заметила Ленка.

— Позарился. Потому что идиот. Ему чем баба глупее, тем распрекрасней он себя чувствует. Я ему прямо так и сказала: «Дима, люби свою торговку на здоровье, расстанемся интеллигентно, я не собираюсь мешать твоему счастью».

— Правильно сказала, — кивнула я.

— Кто бы спорил... А этот гад узнал, что я встречаюсь с одним парнем...

— С кем ты встречаешься? — в два голоса спросили мы.

— Ну... пригласил меня человек поужинать. Я вам сейчас фотку покажу. Мы когда в «Эрмитаже» ужинали, нас там фотографировали.

Наташка метнулась к своей сумке, а мы с Ленкой переглянулись и вздохнули. С любовью у нас было не густо. Мне попадались парни, по большей части, совершенно неинтересные, Ленке вовсе никто не попадался. Наташка вернулась с фотографией, на ней была запечатлена она сама в небесно-голубом платье с блестками.

— Какая ты красивая! — ахнула я.

— Да? Ничего получилась.

— Она фотогеничная, — заметила Ленка, бог знает на что намекая.

— Она настоящая красавица, — возразила я.

— На вкус и цвет... — начала Ленка, но тут Наташка возвысила голос:

— Я вам зачем фотку принесла? Чтоб вы на меня смотрели?

Под руку с ней на фотографии стоял мужчина. Сердце мое мучительно сжалось. Вот если бы мне такой встретился... Высокий, одет прилично, мужественное лицо, а какая улыбка...

— Где вы познакомились? — нахмурилась Ленка.

— На улице.

— Как это?

— Очень просто. Иду с работы, тут он навстречу, слово за слово, вот и познакомились. Обычное дело.

— Как для кого, — вздохнула я.

— К тебе что, парни на улице не пристают?

— Такие нет, — честно ответила я. — Взрослые мужчины со мной только сюсюкают, как будто я ученица начальных классов.

— Просто ты выглядишь моложе своих лет, — сказала Наташка и, видя мою печаль, успокоила: — Не переживай, это быстро пройдет.

— Я считаю, что знакомиться на улице вообще неприлично, — заявила Ленка.

Наташка скривилась:

— Тебя-то кто спрашивает? Читай Льва Николаевича и жди первого бала. Что-то мы опять отвлеклись, — задумчиво произнесла Наталья. — Весь вечер пытаюсь вам рассказать о своих проблемах, а вы все перебиваете и перебиваете.

— Ты познакомилась с парнем. Как его зовут, кстати?

— Матвей. Миленько, правда? Главное, не заезжено. Если честно, меня от Денисов и Тимофеев уже тошнит.

— А кто такой Денис? — спросила Ленка.

Мы втроем уставились друг на друга. Похоже, ответа на этот вопрос никто не знал.

— Давайте чай пить, — предложила я.

— Подождите, а мои проблемы? — возмутилась Наташка.

— А чего случилось-то? — спросила Ленка.

— Господи, за что мне это? — заломила Наташка руки. — Идешь к близким людям в надежде, что тебе помогут, поддержат... И что? Задолбают дурацкими вопросами.

— Ты познакомилась с парнем, — напомнила я. — И что? Он потерял голову, готов ради тебя на все? — Я была уверена, мужчины при виде Наташки просто обязаны терять голову. Настоящие мужчины по крайней мере. Кто такие «настоящие мужчины», я внятно ответить не берусь, зато запросто представляю героев моих любимых детективов — вот уж где настоящие мужчины, ради любимой готовы горы свернуть. Я потянулась к заветной книге, но тут вновь пришлось вернуться к мрачной действительности, потому что Наташка ответила:

— Ну... пока наши отношения зашли не слишком далеко... И тут о нем узнал Димка, — невероятно обрадовалась Наташка. Радость ее относилась к тому факту, что она вспомнила, что собиралась нам поведать. — Какой скандал он мне закатил! Вы бы слышали, что орал этот подлец... А между прочим, буквально в трех шагах от нашей фирмы его красноглазая торгует бракованными колготками. Нет существа коварней мужчины! —

Мы согласно кивнули, а Наташка продолжила: — Я ему сказала: «Дима, у тебя своя жизнь, а у меня своя, ты сделал свой выбор, и я, как свободная женщина...» В общем, совершенно интеллигентно и без крика объяснила, что к чему...

— А он?

— А он, пакость этакая, отобрал у меня мобильный, что фирма оплачивала, машину вместе с водителем и даже кондиционер уволок из моего кабинета в свой. И это в такую жару...

— Мерзавец! — охнула я.

— Низкий тип, — согласилась со мной Ленка.

— Но это еще цветочки. Я ему: «Дима, мне нужны деньги», а он мне кукиш.

— Что он тебе? — не поняла Ленка.

— Фигу мне показал. «Не будет тебе, — говорит, — никаких денег». Всю неделю я пыталась его образумить — без толку. И вот что я вам скажу: это он вовсе не из ревности. Ревность — просто предлог, Дима жмот и жулик и с самого начала делиться не собирался. А ведь соловьем заливался: «Наташка, помоги, если мы это место выбьем, десять процентов всей прибыли твои. Ты только Гаврюшкина уговори». А теперь, вражина, глаза таращит: «Какие, — говорит, — деньги?» Вот и верь мужикам после такого!

— Но как же... — заволновалась я. — Должен быть способ...

— Какой способ? — вздохнула Наташка. — Если б договор какой составили, а так... все на словах. Если честно, я тогда за него замуж собиралась, потому и рассуждала, что все деньги и так мои, а теперь... Опять же, не напишешь ведь в договоре, что мне полагаются десять процентов за дачу взятки должностному лицу.

— Можно было написать — за посреднические услуги, — робко заметила я.

— Если б даже и был договор, все равно бы этот гад нашел способ мне деньги не отдать. Уж можете мне поверить. А мне еще теперь с Гаврюшкиным объясняться,